

несчастіе будетъ, въ глазахъ свѣта, сглажено атрибутами высокаго общественнаго положенія. Что можетъ быть звучнѣе титула герцогини! Кромѣ того—онъ, «настоящій». Весь свѣтъ узнаетъ, что итальянскій герцогъ прямой представитель блестящей фамиліи, которой этотъ самый титулъ принадлежалъ въ теченіи многихъ, многихъ лѣтъ. Были сильныя основанія сейчасъ же прижать къ своему сердцу молодого герцога и молодую герцогиню.

Но были другія причины, по которымъ она не желала бы, чтобъ извѣстіе это было справедливо. Во-первыхъ, она ненавидѣла ихъ обоихъ. Какой бы онъ герцогъ ни былъ, все же онъ «былъ» почтамтскимъ клеркомъ и лэди Франсесъ позволила ему ухаживать за собой въ то время, когда видѣла въ немъ не болѣе какъ почтамтскаго клерка. Кромѣ того, дѣвушка эта оскорбила ее и, наконецъ, каково будетъ ей «голубкамъ», если придется выкормить изъ семейнаго достоянія постоянный доходъ для этого итальянскаго аристократа и для цѣлаго будущаго поколѣнія итальянскихъ аристократовъ; въ добавокъ, какое торжество для Гѣмпстеда, который, изъ всѣхъ человѣческихъ существъ, ей самое ненавистное.

Но, по зрѣломъ обсужденіи, она думала, что лучше будетъ признать герцога. Да больше ей ничего не остается. Чтобы она ни дѣлала, ей не посадить молодого человѣка за его скромный столъ, не возратить ему его скромное имя.

Ея долгъ былъ—сообщить извѣстіе маркизу, но прежде чѣмъ она успѣла это исполнить, ее неожиданно посѣтилъ мистеръ Гринвудъ. Мистеръ Робертъ все уладилъ единственно съ помощью сильныхъ аргументовъ и убѣдилъ мистера Гринвуда отправиться въ Шрюсбери, въ день назначенный для его отъѣзда. Ему было объявлено, что, если онъ уѣдетъ, то получить 200 фунтовъ въ годъ отъ маркиза, да лордъ Гѣмпстедъ прибавитъ 100, о чемъ маркизъ можетъ и не знать. Если же онъ, въ назначенный день, не выѣдетъ, то ста фунтовъ ему не прибавятъ. Обѣ стороны не скупились на слова, но онъ уѣхалъ. Маркизъ не пожелалъ его видѣть, маркиза простилась съ нимъ самымъ официальнымъ образомъ. Уѣзжая, онъ говорилъ себѣ, что въ семействѣ еще могутъ возникнуть обстоятельства, которыя послужатъ ему на пользу. Теперь онъ также узналъ великую, семейную новость и пріѣхалъ съ мыслью, что первый объявить ее въ Траффордъ-Паркъ.

Онъ спросилъ бы маркиза, но зналъ что тотъ его не приметъ. Лэди Кинсбери согласилась его принять и его ввели въ комнату, куда онъ такъ часто входилъ безъ доклада.